

Оказавшись наконец в кругу «своих» для Иньжэна, Иньти почувствовал небывалую легкость. Он весело наполнил их чаши вином и с улыбкой произнес:

— А в этом «Ресторане Драконьего Источника» неплохо готовят. Попробуй-ка.

Иньжэн взял палочки для еды, окинул взглядом накрытый стол и вдруг замер.

Хунши тоже замер. Заметив краем глаза оцепенение Иньжэна, он сохранил на лице полное бесстрашие, хотя в душе его поднялась настоящая буря. Все кушанья, расставленные ближе к Иньжэну, были его любимыми деликатесами. Старший дядя явно подготовился заранее!

Хунши механически жевал, лихорадочно сопоставляя детали. Прокручивая в голове всё с момента встречи и замечая, что старший дядя не сводит глаз со второго, он вспомнил тот недавний взгляд Иньти — острый, как лезвие ножа. Хунши мысленно взвыл от досады и недоумения: «Похоже, я просто наступил на горло их нежным чувствам и помешал побыть наедине, за что и схлопотал немилость?!» Хотя те двое и не обменялись ни словом, это было то самое безмолвие, что красноречивее любых речей... А он, дурак, принял всё за чистую монету, да еще поморщился от того, какими внезапными и приторными показались ему эти братские узы. Какое там братство! Это больше походило на то, как берегут самое дорогое, стремясь во всем угодить.

Очнувшись от мыслей, Хунши по привычке подцепил палочками сочный кусок мяса и положил в пиалу Иньжэну:

— Отец, налегай на мясо, а то от одной зелени скоро в кролика превратишься.

Хунси же оставался совершенно спокоен. В конце концов, он находился рядом, когда Иньти составлял меню. Более того, с тех пор как они со старшим дядей открылись друг другу, тот при каждом удобном случае принимался расспрашивать о его отце, выведывая мельчайшие подробности. И хотя Хунси пытался уходить от ответов... постой, ведь он никогда не говорил, какие блюда предпочитает аньма! К тому же, пусть отец и презирал притворство, в прошлой жизни его рацион волей-неволей подстраивался под вкусы дедушки-императора. Откуда тогда старший дядя вызнал такие тонкости? Когда он успел так глубоко изучить привычки отца?

Вспомнив, с каким выражением лица старший дядя в последние дни говорил о его отце, Хунси тихо вздохнул. Пожалуй, в этом мире никто не понимал его отца лучше, чем Иньти. Хунси припомнил, как тот невзначай заводил разговоры об их детстве, о некогда данной клятве поддерживать друг друга во имя процветания государства... В те мгновения суровый лик Иньти становился удивительно мягким. Кажется, Иньти и сам до сих пор не осознавал, что его стремление исполнить давний уговор давно перешагнуло границы братской любви. Но когда, в какой момент этой новой жизни в его душе зародилось подобное чувство? Прежде ведь всё было иначе.

Поразмыслив, Хунси смутно припомнил: кажется, всё началось с тех пор, как во дворце появилась эта самозваная принцесса. С того самого момента Иньти перестал ограничиваться

заботой о здоровье и снадобьях отца — теперь он стремился совать нос во всё, от одежды до пищи. Знай он заранее, к чему это приведет... Впрочем, поделаться он всё равно ничего бы не смог. Он вновь вздохнул. Какими бы ни были чужие поползновения, пока отец не против и готов принимать эту заботу, Хунси не станет вмешиваться. Главное, чтобы аньма был счастлив, а со всеми трудностями он, как преданный сын, разберется сам.

Приняв решение, Хунси бережно налил пиалу бульона и поставил ее по правую руку Иньжэна.

Иньти же аккуратно очистил крупную креветку, опустил её в пиалу с соусом и придвинул к Иньжэну.

— Без имбиря, — негромко произнес он, принимаясь вытирать пальцы влажным шелковым платком.

Очнувшись от раздумий, Иньжэн опустил взгляд. В его пиале лежал нежнейший, тающий во рту кусок свинины Дунпо, рядом исходил паром ароматный бульон, а перед ним высилась горка очищенных креветок в соусе, из которого заботливо убрали весь имбирь. На душе сделалось невыразимо тяжело и странно. Пытаясь скрыть нахлынувшие чувства, он принялся за еду. Вкус был именно таким, какой он предпочитал всю жизнь. Разум затуманился воспоминаниями. Прошлое сплеталось с настоящим, перед глазами всё поплыло. Иньжэн слегка закинул голову, силясь сдержать подступившую к горлу горечь, но он увидел троих мужчин, которые с будничной, почти пугающей естественностью продолжали ухаживать за ним: подкладывали лучшие куски, подливали суп, чистили креветок.

Заметив, что тот замер с палочками в руках, не сводя взгляда с морепродуктов, Иньти негромко пояснил:

— Твоё тело сейчас слишком слабо, негоже увлекаться пищей с холодными свойствами. Подожди до Праздника середины осени, когда крабы нальются соком, тогда и полакомишься всласть.

Словно последняя снежинка, опустившаяся на обледенелую ветвь посреди глухой зимы... Иньжэну почудилось, будто весь мир вокруг обратился в зыбкий, призрачный морок. Либо он сам лишился рассудка, либо этот мир сошел с ума. Если не считать жен, наложниц да собственных детей, разве ведал он когда-нибудь чужую искренность? Ладно Хунши, которого он вырастил, ладно Хунси, его преданный сын в обеих жизнях. Но Иньти? Заклятый враг, с которым в прошлом они грызлись не на жизнь, а на смерть! В этом воплощении они с трудом выносили общество друг друга. И если бы не смутная память о том, как Иньти некогда обрек себя на вечное заточение, лишь бы уберечь его от последнего унижения, если бы не капля детской привязанности да узы Баньду — они бы, верно, до скончания веков желали никогда больше не пересекаться.

Так почему? Отчего он теперь так добр к нему? Почему опекает его с таким естественным, будничным видом, словно делал это тысячи раз? Зачем тогда было проливать кровь в прошлом? Что это — запоздалое раскаяние? Баоцин, неужели ты думаешь купить мое прощение простым

«прости», надеясь услышать в ответ беззаботное «пустяки» и разом перечеркнуть пережитое? Если и то кошмарное прошлое было настоящим, и этот день реален, то какая из этих жизней — глупый фарс? А может, обе они — лишь дурацкая шутка судьбы? Шутка! Нелепая, злая шутка!

Иньжэн перевел взгляд на Иньти. Он помрачнел, и его взгляд затуманился багровой дымкой. В этом ледяном взоре смешались ярость, глухая враждебность и глубоко затаенная обида.

Кто сказал, что после смерти человек познает покой и всепрощение? Забыть бывшие обиды с легкой улыбкой? Какая глупость! Тот, кто сам не испил чашу предательства до дна, пусть лучше молчит.

«Оставить прошлое?» Легко рассуждать тому, у кого никогда ничего не отнимали! Иньжэн мысленно усмехнулся. Некоторые обиды въедаются слишком глубоко, до самых костей. В этой жизни он мог притворяться ничтожеством ради безопасности энян и младшего брата, мог склонять голову и терпеть обиды, но вытравить из крови врожденную гордость и царственный нрав было невозможно. В прошлом они все сошли с ума — и он безучастно наблюдал, как невидимая рука толкала братьев в бездну безумия. Борьба девяти принцев за престол? Всего лишь жестокая игра, затеянная их венценосным отцом! Как там говорят в народе? Запри в одной яме девять щенков — наружу вырвется один беспощадный волкодав. Их отец, должно быть, жаждал увидеть, какой лютый зверь унаследует его империю. Вот только человек предполагает, а Небо располагает. Взгляните на нынешних потомков династии — среди них ведь нет ни одного достойного мужа!

Да и у него самого с самого начала не оставалось пути к отступлению. Иньжэн горько улыбнулся: сидеть на этом шатком, призрачном престоле было невыносимо холодно, кровь стыла в жилах. Его былая наивность могла привести лишь к одному исходу. Отчаяние покинутого, боль предательства, глухая ярость на самого себя за то, что не сумел защитить ни жен, ни детей, бесконечные годы в душном заточении... Неужели и теперь ему суждено пройти тот же круг ада? Что ж, тогда пускай они все отправятся в преисподнюю вместе с ним! На этот раз он не сойдет с ума и не позволит превратить себя в жертву. Мир велик, и под этим небом всегда найдется место для него. В крайнем случае он просто уйдет за море и больше не станет играть по их правилам!

Хунси разделил со своим отцом добрую половину жизни, чувствуя его боль как свою собственную. Хунши, чья судьба сложилась похожим образом, тоже прекрасно понимал чужие страдания и легко угадывал, какие мысли терзают Иньжэна. Некоторые узлы не распутать и за две жизни, но, быть может, со стороны всё виделось яснее? Хунси и Хунши переглянулись. Сдержав порыв броситься с утешениями, они отвели взгляды, затаив дыхание в ожидании ответа Иньти.

Иньти встретил полный ярости взгляд брата на удивление холодным взором. Лицо его выражало ту бесстрастность, которую он редко позволял себе при Иньжэне:

— Наш венценосный отец всегда оставался прежде всего императором, а уж потом родителем. Да и отцом он пытался быть только для тебя... Ты ведь мой младший брат, Иньжэн, но в твоих глазах для меня никогда не находилось места. Мерзко чувствовать себя пустым местом, не

находишь? Мерзко смотреть, как некогда преданный тебе ребенок, ластившийся к старшему брату, вдруг начинает глядеть на тебя как на чужака. — Иньти тихо вздохнул, но взгляда не отвел. — Поначалу мной двигала лишь мальчишеская гордость. Мне отчаянно хотелось задеть тебя, раздражить, заставить злиться и кричать — ведь только тогда твой взор принадлежал мне одному! Я искренне верил, что я единственный, кто равен тебе в этом мире. А раз судьба швырнула нас в эти дворцовые стены, я просто обязан был сразиться с тобой. Я наивно полагал: превзойду тебя — и Хуан-ама наконец заметит меня... Перемена в его отношении к тебе после возвращения из похода подарила мне надежду. Но когда пал мой дядя, до меня наконец дошло: все мы в глазах отца — лишь пешки. Чуть более дорогие, чем обычные министры, но все-таки пешки.

Иньти горько усмехнулся. Опустив глаза на пиалу с вином, он вдохнул её аромат, но пить не спешил. Он разглядывал робкие зеленоватые отсветы на влаге, продолжая говорить всё тем же ровным, глухим голосом, словно пересказывал чужую судьбу:

— Тогда я заперся в кабинете и просидел там сутки напролет. Я всё понял, да только время уже было упущено. Единственное, что оставалось в моих силах — удерживать твой трон. Когда Сонготу бросили в застенки, я надеялся, что ты опомнишься. Но ты упрямо лез на рожон, отчаянно пытаешься найти хоть одну искреннюю душу в этом гадюшнике, и поставил на кон всё, что имел... — Иньти покачал головой и сделал крошечный глоток. — Тогда я по-настоящему разочаровался в тебе. Я помнил нашу детскую клятву вместе править великой империей и собирался прийти к тебе, чтобы заключить мир. Но ты уже безумствовал. А поскольку только я подходил на роль твоего противника, ты должен был пасть от моей руки. Для такого гордеца, как ты, благородная смерть была милосердием по сравнению с грядущим позором, не так ли?

Но рок распорядился иначе. Ты переиграл весь мир, но совершенно забыл позаботиться о себе. Я безучастно смотрел, как ты опускаешь руки, ведь тогдашнее положение не позволяло мне сделать и шагу: за моей спиной стояли энян, дядя, весь клан Нала... И я тоже отступился.

Иньти опрокинул чашу, осушив её до дна, и уставился на Иньжэна лихорадочным взглядом.

— Раз уж Небо даровало нам вторую жизнь, я больше не стану ни о чем жалеть. И никогда больше не позволю себе утонуть в бессильном отчаянии.